

The book cover features a monochromatic blue color scheme. The background is a detailed illustration of a large, two-story house with a gabled roof and two chimneys, situated in a landscape with trees and a path. The scene is set at night or dusk, with a starry sky. The title and author's name are printed in white, while the main title is in a large, stylized, light blue font.

Люси Мод
МОНТГОМЕРИ

РАС-
СКАЗ-
ЧИ-
ЦА

настроение читать

Люси Мод Монтгомери
Рассказчица
Серия «Настроение
читать (Азбука-Аттикус)»
Серия «Рассказчица», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73902457

Рассказчица: СПб; 2026

ISBN 978-5-389-32919-5

Аннотация

Знаменитая канадская писательница Люси Мод Монтгомери, автор романов об Анне из Зеленых Мезонинов, не раз признавалась, что любимой книгой, которую она написала, была «Рассказчица». Ее главной героине Саре Стэнли всего четырнадцать лет, однако она умеет рассказывать истории, как никто другой, и обладает волшебным голосом. («Если бы у голосов имелся цвет, то ее голос напоминал бы радугу».) Бев Кинг и его брат Феликс приезжают в небольшой уютный городок Карлайл, чтобы провести лето в доме тети и дяди, и, конечно, сразу подпадают под очарование знаменитой Рассказчицы...

Впервые на русском!

Содержание

Глава 1. Дом наших предков	5
Глава 2. Покорительница сердец	15
Глава 3. Легенды старого сада	26
Глава 4. Свадебная фата гордой принцессы	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Люси Мод Монтгомери

Рассказчица

*Моей двоюродной сестре Фредерике Э. Кэмпбелл
в память о былых днях, былых мечтах и былом
веселье*

Lucy Maud Montgomery
THE STORY GIRL

© В. А. Ионова, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУ-КА», 2026

Издательство Азбука®

Глава 1. Дом наших предков

– Как же я люблю отправляться в дорогу! Всегда интересно, что ждет тебя в конце пути, – сказала как-то Рассказчица.

В то майское утро, когда Феликс и я покинули Торонто и отправились на остров Принца Эдуарда, мы этих ее слов еще не слышали, да и вообще имели весьма смутное представление о такой девочке – Рассказчице. Мы даже не знали, что ее именно так называют. Мы знали только, что одна наша кузина, Сара Стэнли, чья мать, наша тетья Фелисити, умерла, живет на острове с дядей Роджером и тетей Оливией Кинг, на ферме, примыкающей к старинной усадьбе Кингов в Карлайле. Предполагалось, что мы познакомимся с ней, когда приедем, и из писем тети Оливии к отцу у нас сложилось впечатление, что девушка она славная. А вообще, мы о ней и не думали вовсе. Куда больше нас интересовали Фелисити, Сесили и Дэн, обитающие в самой усадьбе, то есть дети, с которыми нам предстояло жить все лето под одной крышей.

Но в то утро, когда поезд отправился из Торонто, дух пока еще не высказанной Рассказчицей мысли переполнял наши сердца. Перед нами лежал долгий путь, и хотя мы примерно представляли, что ждет нас в его конце, все наши предположения были овеяны чудесным обаянием неизведанного.

Сознание того, что мы увидим родовое гнездо нашего отца и проживем в местах его детства, приводило нас в восторг.

Он так много рассказывал об усадьбе, так часто и дотошно описывал происходившее там, что внушил и нам часть своей глубокой привязанности к родному дому – привязанности, нисколько не умалившейся за все годы разлуки с ним. В нас поселилось смутное ощущение, что и мы, никогда не бывавшие в колыбели нашего семейства, каким-то образом стали там своими. Мы с нетерпением ожидали, когда отец выполнит обещание и отвезет нас «туда, домой», в старый усадебный дом, с ельником позади и со знаменитым садом Кингов, где можно прогуляться по Тропе дяди Стивена, выпить воды из глубокого колодца с крышей, сооруженной на манер китайских пагод, постоять на Кафедральном валуне и угоститься яблоками с наших личных *именинных* деревьев.

Вождеденный день наступил раньше, чем мы смели надеяться, однако отцу не довелось отвезти нас лично. Той весной фирма, где он работал, предложила ему возглавить новый филиал в Рио-де-Жанейро. Нельзя было упускать такой шанс, ибо отец был беден, а новая должность сулила продвижение по службе и повышение жалованья. Впрочем, она также сулила временное разделение семьи. Наша мать умерла до того, как кто-либо из нас достаточно подрос, чтобы помнить ее, а наш отец не мог взять детей с собой в Рио-де-Жанейро. В конце концов он решил отправить нас к дяде Алеку и тете Джанет в родовое поместье, а сопровождение поручил экономке; она сама была родом с Острова и теперь возвращалась на родину. Бедная женщина! Боюсь, она

натерпелась страху в этой поездке – ее непрерывно одолевала тревога, что мы потеряемся или уьемся. Какое, должно быть, испытала она облегчение, прибыв в Шарлоттаун и передав нас на попечение дяди Алека. Да что там говорить, она открыто призналась в этом.

– С толстеньким не так трудно: не такой юркий, как худой, и не исчезает из виду в мгновение ока. А так-то один-единственный способ доставить этих юнцов куда надобно – это держать их на короткой привязи, и притом *крепкой* привязи.

«Толстенький» – это Феликс, весьма чувствительно относившийся к своей полноте. Он все время делал упражнения для похудения, но в итоге полнел еще больше. Феликс божился, что ему все равно, но ему было *ужасно* не все равно, а посему он зло и совершенно непочтительно взирал на миссис Макларен. Мой брат невзлюбил нашу экономку с того самого дня, когда она лягнула, что скоро он станет одинаковым и вширь, и ввысь.

Что до меня, то я весьма сожалел о расставании с ней; сама же миссис Макларен и вовсе плакала, прощаясь с нами и желая нам всего доброго. Впрочем, мы полностью позабыли о ней, стоило нам усесться в повозку по бокам от дяди Алека и выехать за пределы города. Дядя Алек с первого же взгляда пришелся нам по душе: невысокий мужчина с тонкими изящными чертами лица, коротко стриженной седой бородой и большими усталыми голубыми глазами – совсем как у нашего отца. Мы знали, что дядя Алек любит детей и

сердечно рад приютить «Алановых мальчиков». Разговор с ним легко клеился, и можно было без стеснения задавать ему любые вопросы, приходившие нам в голову. За эти двадцать четыре мили мы успели крепко сдружиться.

К нашему разочарованию, мы добрались до Карлайла уже в темноте, так что, пока повозка взбиралась по дороге на холм, где стояла старая усадьба Кингов, толком рассмотреть ничего не удалось. За нашими спинами, на юго-западе, над мирными весенними лугами висел молодой месяц, но нас обступали лишь мягкие влажные майские тени. Мы с любопытством вглядывались в сумрак.

– Вон там большая ива, Бев, – возбужденно прошептал Феликс, когда повозка свернула к воротам.

И правда, вот то самое дерево, которое посадил дедушка Кинг, когда однажды вечером вернулся с родникового поля после пахоты и воткнул в мягкую почву у ворот ивовый прутик, весь день служивший ему хворостиной.

Прутик пустил корни и стал расти: наш отец, наши дяди и тети играли в его ивовой тени, а теперь он превратился в сущую громадину, так что ствол не обхватишь, а каждая ветка – сама толщиной с хорошее дерево.

– Завтра заберусь на нее, – решил я.

Справа смутно угадывалось какое-то *ветвистое место* – мы знали, что это сад. Слева же, среди шороха сосен и елей, стоял старый, вымытый добела дождями дом, из открытой двери которого лился свет. Навстречу нам вышла тетя Джа-

нет – большая, шумная, добродушная женщина с розовым румянцем на круглых щеках.

Вскоре мы уже сидели за ужином на кухне с низким, темным, балочным потолком, к которому были привешены изрядные куски ветчины и копченой свинины. Все было так, как описывал отец. Нам казалось, что мы вернулись домой, что изгнанию наступил конец.

Фелисити, Сесили и Дэн сидели напротив и украдкой разглядывали нас, когда думали, что мы заняты едой. Мы в свою очередь украдкой пялились на них, когда они ели, и в результате наши взгляды все время пересекались и все мы стыдились и смущались.

Дэн был самый старший и мой ровесник, нам обоим исполнилось по тринадцать лет. Худощавый веснушчатый парень с довольно длинными жидкими русыми волосами и характерным *кинговским* носом. Мы сразу узнали этот нос. Однако рот принадлежал исключительно самому Дэну, ибо он не походил на рты ни со стороны Кингов, ни со стороны Уардов, да и кто бы захотел иметь такой безусловно уродливый рот – широкий, тонкий и перекошенный? Впрочем, этот рот умел растягиваться в дружелюбную улыбку, и мы с Феликсом сразу поняли, что поладим с Дэном.

Фелисити было двенадцать. Ее назвали в честь тети Фелисити, сестры-близнеца дяди Феликса. Тетя Фелисити и дядя Феликс, рассказывал нам отец, умерли в один день, хоть и далеко друг от друга, а похоронены бок о бок на кладбище

в Карлайле.

Из писем тети Оливии нам было известно, что Фелисити – главная красавица семейства, и нам не терпелось увидеть ее своими глазами. Она полностью оправдала все ожидания: округлая и грациозная, с большими темно-голубыми глазами под тяжелыми веками, с мягкими пушистыми золотистыми локонами и розово-белой кожей – «цвет лица Кингов». Кинги вообще славились своими носами и цветом лица. У Фелисити также были чудесные руки и запястья, на которых при каждом движении появлялись дивные складочки. Оставалось только с удовольствием представлять, какие же у нее локти.

На Фелисити было симпатичное розовое ситцевое платье и муслиновый фартук с рюшами. Из оброненных Дэном слов мы поняли, что она *приоделась* в честь нашего приезда. Мы ощутили себя важными птицами. До сих пор, насколько нам было известно, ни одна из представительниц женского пола не брала на себя труд нарядиться ради нас.

Одиннадцатилетняя Сесили тоже была хорошенькая или, точнее, была бы, если бы не присутствие Фелисити, которая затмевала других девочек. Рядом с сестрой Сесили выглядела бледной и худенькой, хотя и отличалась некрупными изящными чертами лица, гладкими шелковистыми темно-русыми волосами и мягкими карими глазами, в которых то и дело проскальзывал намек на глубокую серьезность. Нам вспомнилось, что говорила о племяннице тетя Оливия

в письме нашему отцу: дескать, Сесили уродилась истинной Уард – у нее решительно нет чувства юмора. Тогда мы не поняли, что это значит, – только то, что это отнюдь не было похвалой.

И все же мы с братом склонялись к тому, что с Сесили поладим лучше, чем с Фелисити. Разумеется, Фелисити – писаная красавица. Однако быстрая и безошибочная детская интуиция, в один миг прозревающая то, на что зрелому уму понадобится куда больше времени, подсказывала нам, что эта девочка очень хорошо осведомлена о собственной прелести. Иными словами, мы видели, что Фелисити тщеславна.

– Удивительно, что Рассказчица не пришла познакомиться, – сказал дядя Алек. – Она просто места себе не находила, так ее взбудоражил ваш приезд.

– Она весь день плохо себя чувствовала, – объяснила Сесили, – и тетя Оливия не разрешила ей дышать вечерним воздухом, а заставила пойти в постель. Рассказчица ужасно огорчилась.

– Кто это такая, Рассказчица? – поинтересовался Феликс.

– О, это Сара – Сара Стэнли. Мы зовем ее Рассказчицей отчасти потому, что у нее талант рассказывать истории – ах, это невозможно описать! – и отчасти потому, что Сара Рэй, которая живет внизу, часто приходит играть с нами, а когда два человека с одним именем в одной компании – это неудобно. Кроме того, Сара Стэнли не любит свое имя и сама предпочитает, чтобы ее называли Рассказчицей.

Тут впервые заговорил Дэн и довольно застенчиво сообщил, что Питер тоже собирался зайти, но ему пришлось вместо этого относить муку матери.

– Питер? – переспросил я, ибо никогда не слышал ни про какого Питера.

– Подручный вашего дяди Роджера, – пояснил дядя Алек. – Звать его Питером Крейгом, очень толковый малый. Но и озорства у мальчишки хватает.

– Он метит в кавалеры Фелисити, – лукаво вставил Дэн.

– Не мели чепухи, Дэн, – строго одернула его тетя Джанет.

Фелисити тряхнула своей золотистой головкой и бросила на Дэна совсем не сестринский взгляд.

– Вряд ли *наемному мальчишке* светит стать моим кавалером, – заметила она.

Мы почуяли, что злится она не напоказ, а по-настоящему. Питер явно не был тем обожателем, которым Фелисити гордилась.

Когда мы, очень голодные пареньки, съели все, что можно, – ах, какие ужины всегда подавала тетя Джанет! – то обнаружили, что ужасно устали, слишком устали, чтобы немедленно обследовать земли предков, как сперва планировали, несмотря на темноту.

Мы охотно согласились отправиться спать и вскоре очутились в той самой комнате наверху с выходящими на восток, в хвойную рощу, окнами, где когда-то жил наш отец. Дэн спал здесь же, в своей кровати в углу напротив. Простыни и на-

волочки благоухали лавандой, и нас укрывало одно из прославленных лоскутных одеял бабушки Кинг. Через открытое окно доносилось кваканье лягушек с заболоченного родникового луга. Конечно, мы слышали лягушек и в Онтарио, но голоса лягушек с острова Принца Эдуарда определенно отличались большей мелодичностью и сладкозвучностью. Или попросту так действовали на нас чары семейных традиций и легенд, пронизывающие все, что мы видели и слышали? Тут был настоящий дом, дом отца, *наш* дом! Ни в одном доме не жили мы настолько долго, чтобы успеть прикипеть к нему, но здесь, под деревянной крышей, сработанной прадедушкой Кингом девяносто лет назад, наши мальчишечьи сердца и души затопило сладкое чувство любви и нежности.

– Только подумай, наш отец в детстве слушал тех же самых лягушек, – прошептал Феликс.

– Вряд ли это *те же самые* лягушки, – возразил я с сомнением, не будучи уверен насчет продолжительности жизни лягушек. – Отец уехал отсюда двадцать лет назад.

– Ну ладно, они потомки тех лягушек, которых слышал он, – согласился Феликс, – и они квакают в том же болоте. Это почти одно и то же.

Через приоткрытую дверь нашей спальни доносился весьма громкий разговор из спальни девочек в другом конце коридора. Знай они, как далеко слышны их милые звонкие голоса, наверное, говорили бы потише.

– Что думаешь о новых мальчиках? – спросила Сесили.

– Беверли красавчик, а Феликс слишком толстый, – отчиталась Фелисити.

Феликс сердито дернул свой край одеяла и фыркнул. Ну а я подумал, что Фелисити мне очень даже нравится. Возможно, она не так уж виновата в собственном тщеславии: станешь тут тщеславной, глядя на такое отражение в зеркале.

– А я думаю, они оба милые и выглядят тоже мило, – отозвалась Сесили.

Добрая маленькая душа!

– Интересно, что про них скажет Рассказчица, – проронила Фелисити, словно по здравом размышлении поняла, что это-то и было самым важным.

Каким-то образом мы тоже сразу это почувствовали: если нас одобрит Рассказчица, то мнения остальных уже не будут иметь никакого значения.

– Я вот думаю, а Рассказчица красивая? – вслух спросил Феликс.

– Нет, – мгновенно ответил Дэн с другого конца комнаты. – Но пока она с тобой говорит, тебе кажется, что красивая. Всем так кажется. И только когда она уходит, ты понимаешь, что, вообще-то, она вовсе не красивая.

Дверь в комнату девочек захлопнулась. Дом погрузился в тишину. Мы уплывали в страну сновидений, гадая, понравимся ли Рассказчице.

Глава 2. Покорительница сердце

Я пробудился вскоре после рассвета. Бледное майское солнце пронизывало еловые заросли, прохладный окрыляющий ветерок трепал ветви.

– Феликс, просыпайся, – прошептал я, тряся брата.

– Что случилось? – неохотно пробормотал он.

– Утро уже. Давай вставай, пойдем вниз и на улицу. Не терпится увидеть все, про что отец рассказывал.

Мы выскользнули из постелей и оделись, не разбудив крепко спящего с полуоткрытым ртом Дэна, во сне сбросившего простыни на пол. Я с трудом уговорил Феликса не поддаваться искушению пульнуть стеклянным шариком в этот заманчиво распахнутый рот. Сказал, что тогда Дэн проснется и скорее всего захочет сопровождать нас, а пройтись одним в первый раз намного лучше.

Мы спустились по лестнице. Повсюду царил покой. Хотя внизу на кухне кто-то уже разводил огонь, предположительно дядя Алек, но сердце дома еще не вошло в свой дневной ритм.

На минутку мы остановились в холле, чтобы рассмотреть большие напольные – *дедушкины* – часы. Они не шли, но казались нам старыми знакомыми: позолоченные шарики, венчавшие три пики наверх, небольшой циферблат с дополнительной стрелкой, показывающей смену фаз луны, и та са-

мая вмятина в деревянной дверце – свидетельство детской шалости нашего отца.

Затем мы открыли входную дверь и вышли наружу, предвкушая неминуемую радость. Дул редкий в тех местах южный бриз; ели отбрасывали длинные четкие тени; над нами простиралось восхитительное небо раннего утра – голубое, овеянное ветром. На западе, за родниковым полем, виднелись вытянутая долина и холм, сиреневый от еловых зарослей и украшенный кружевом все еще безлистных буков и кленов.

Позади дома находился ельник – темное, прохладное место, где любили мурлыкать ветра и где всегда стоял смолистый древесный аромат. К дальнему краю ельника примыкал густой лесок из стройных серебристых берез и говорливых тополей, а позади леска стоял дом дяди Роджера.

Прямо перед нами, окаймленный аккуратно постриженными елками, расстился знаменитый сад Кингов, история которого вплелась в самые ранние наши воспоминания. Мы знали о нем все из рассказов и описаний отца и то и дело бродили по нему в своих фантазиях.

Со времен основания сада, когда дедушка Кинг привез домой свою невесту, минуло почти шестьдесят лет. Перед свадьбой он отгородил большой и самый солнечный кусок южного луга – то была лучшая, плодороднейшая земля на всей ферме, и соседи твердили молодому Абрахаму Кингу, что с этого склона он соберет немало славных урожаев пшени-

цы. Абрахам Кинг улыбался и, будучи человеком немногословным, помалкивал, но у себя в голове уже прозревал грядущие годы, и в этом его видении не акры спелой золотой пшеницы колыхались на ветру, а тянулись широкие зеленые аллеи раскидистых, отяжелевших от плодов деревьев, радуя глаз не рожденных пока детей и внуков.

Этому видению предстояло воплощаться неспешно. Дедушка Кинг никуда не торопился. Он не разбил весь сад разом, ибо ему хотелось, чтобы тот рос по ходу его жизни и судьбы и был связан со всем хорошим и радостным, что происходило в семье. Так что наутро после венчания они с молодой женой отправились на южный луг и посадили свои свадебные деревья. Теперь тех первых деревьев уже не было, но в детстве нашего отца они еще стояли и каждую весну покрывались такими же нежными цветками, каким было лицо Элизабет Кинг, шагавшей по южному лугу в первое утро своей новой жизни и любви.

Когда у Абрахама и Элизабет появился сын, в саду посадили следующее дерево – в честь первенца. Всего у них родилось четырнадцать детей, и каждому ребенку полагалось свое *именинное дерево*. Всякое семейное торжество увековечивалось подобным же образом, и всякий дорогой гость, прошедший ночь под крышей дома, должен был посадить свой саженец. Вот потому и вышло, что каждое дерево здесь служило прекрасным зеленым памятником любви и наслаждениям минувших лет. Свое дерево полагалось и каждому

внуку – дедушка вкапывал новый саженец, когда до него доходили новости о появлении младенца на свет. Причем дело не ограничивалось яблонями, встречались тут и сливы, вишни и груши, но, главное, все знали деревья по именам тех, в честь кого или кем они были посажены. Мы с Феликсом так много слышали о «грушах тети Фелисити», «вишнях тети Джулии» и «яблоках дяди Алека», словно родились и выросли в этом саду.

Теперь же этот сад мы узрели воочию, он лежал прямо перед нами – нужно было всего лишь отворить беленую калитку, чтобы оказаться в окутанном легендами царстве. Однако, не успев войти в калитку, мы обратили взгляды налево – туда, где к дому дяди Роджера вела широкая, обрамленная елками тропа. В начале этой тропы стояла девочка, и серый кот терся о ее щиколотки. Она подняла руку, с веселым видом поманила нас к себе, и мы пошли на зов, позабыв про сад. Ибо мы сразу догадались, что это и есть Рассказчица, ведь в ее приветливом изящном движении таилась такая притягательная сила, которой невозможно было противоречить или сопротивляться.

Нам так интересно было рассмотреть ее поближе, что мы начисто позабыли о стеснительности. Нет, красивой она не была. Для своих четырнадцати лет она была высокая, худощавая и прямая; вытянутое белое лицо – пожалуй, слишком вытянутое и слишком белое – обрамляли каштановые кудри, разделенные на два хвостика и подхваченные над уша-

ми алыми ленточками. Большой изогнутый рот, алый, словно мак, блестящие миндалевидные светло-карие глаза. Нет, мы не сочли ее красивой.

А затем она заговорила. Она сказала:

– Доброе утро.

Никогда до сих пор не доводилось нам слышать подобного голоса. Мало того, никогда за всю свою дальнейшую жизнь не слышал я подобного голоса. Описать его невозможно. Я мог бы сказать, что он был чистый, мог бы сказать, что он был сладкозвучный, мог бы сказать, что он был наполнен живостью, и разносился далеко, и походил на звон колокольчика. Все это было бы правдой, но вы бы так и не поняли по-настоящему, какими необыкновенными свойствами обладал голос Рассказчицы.

Если бы у голосов имелся цвет, то ее голос напоминал бы радугу. Он заставлял слова *оживать*. Словно все то, о чем она говорила, обретало дыхание. Мы с Феликсом по молодости лет не могли ни понять, ни проанализировать влияние на нас этого голоса и тем не менее мгновенно ощутили, что утро *действительно* доброе, что это исключительно доброе утро, самое лучшее на свете утро, выпавшее на нашу долю в прекраснейшем из миров.

– Вы Феликс и Беверли, – продолжила она, пожимая нам руки с чувством искреннего товарищества, что существенно отличалось от застенчивых девичьих приветствий Фелисити и Сесили. С этой минуты мы стали такими хорошими

друзьями, точно познакомились лет сто назад. – Рада нашей встрече. Я ужасно расстроилась, что не смогла прийти вчера вечером. Зато сегодня поднялась пораньше – я так и думала, что вы тоже встанете рано и захотите, чтобы я все тут вам показала. Я рассказываю намного лучше, чем Фелисити и Сесили. Как вы считаете, Фелисити *очень* красивая?

– Самая красивая девочка из всех, кого я видел, – отозвался я с энтузиазмом, припомнив, что накануне Фелисити назвала красавчиком меня.

– Все мальчики так думают, – констатировала Рассказчица, подозреваю, не слишком довольная. – Наверное, так и есть. К тому же она превосходно готовит, хотя ей всего двенадцать. Я не умею готовить. Пытаюсь научиться, но у меня не очень-то получается. Тетя Оливия говорит, что моей природной смышленности никогда не хватит на готовку, а я бы хотела печь такие же вкусные пирожки и кексы, как Фелисити. Зато Фелисити глупая. И я это говорю не со зла. Просто так оно и есть, вы сами скоро убедитесь. Мне очень нравится Фелисити, но она *по-настоящему* глупая. Сесили куда как умнее. Сесили славная. Как и дядя Алек. Тетя Джанет тоже симпатичная.

– А тетя Оливия? – спросил Феликс.

– Тетя Оливия очень хорошенькая. Она совсем как цветок виолы – вся бархатистая, фиолетовая, золотистая.

Пока Рассказчица говорила, мы с Феликсом мысленно *увидели* цветкоподобную бархатно-лилово-золотую женщи-

ну.

– Но она хорошая? – спросил я. Это главный вопрос касательно взрослых. Детям все равно, как взрослые выглядят.

– Она милая. Но ей, знаете ли, двадцать девять. Довольно много. Она мне особо не надоедает. Тетя Джанет говорит, что, если бы не она, то есть тетя Джанет, у меня вообще не было бы никакого воспитания. А тетя Оливия говорит, что детям нужно просто позволить *созреть* и что все остальное предначертано им задолго до рождения. Я этого не понимаю. А вы?

И мы не понимали. Но наш опыт свидетельствовал, что это вообще в обычае у взрослых – то и дело изрекать непонятные вещи.

– А каков дядя Роджер? – задали мы следующий вопрос.

– Мне нравится дядя Роджер, – задумчиво промолвила Рассказчица. – Он большой и веселый. Правда, слишком часто подтрунивает над всеми. Задашь ему серьезный вопрос, а он в ответ несет чепуху. Впрочем, он почти никогда не бранится и не сердится, а это дорогого стоит. Он закоренелый холостяк.

– Разве он не собирается когда-нибудь жениться? – полюбопытствовал Феликс.

– Не знаю. Тетя Оливия хочет, чтобы он женился, потому что ей надоело заниматься его хозяйством и она мечтает уехать в Калифорнию к тете Джулии. Но она же утверждает, что он никогда не женится, потому что ищет идеал, а если

найдет идеальную женщину, то та за *него* не выйдет.

В этот момент, когда все мы уже расселись на корявых древесных корнях, к нам подошел знакомиться большой серый кот – важный, надменный зверь серебристо-серого цвета с превосходными темными полосками на шубке. У большинства кошек такого окраса лапы оказались бы белыми или серыми, но у него были четыре черные лапки и черный нос. Такие отличительные особенности сильно выделяли его из массы обыкновенных дворовых кошек. Он казался животным с весьма высоким мнением о себе и отвечал на наши попытки сближения со сдержанной снисходительной благоклонностью.

– Это же не Топси, нет? – спросил я. И сразу понял, какой глупый вопрос задал. Кошка Топси, о которой рассказывал отец, благоденствовала здесь тридцать лет назад, и даже все ее девять жизней вряд ли могли продлиться до сего дня.

– Нет, но он прапрапраправнук Топси, – внушительно сообщила Рассказчица. – Его зовут Падди, и он мой собственный особенный кот. У нас в сарае живет много кошек, но Падди никогда не водится с ними. Я в отличных отношениях со всеми котами. Они такие гладкие, уютные и горделивые. И их так просто порадовать. О, как я счастлива, мальчики, что вы приехали сюда пожить. Тут ничего никогда не происходит, день за днем одно и то же, так что нам приходится самим устраивать себе хорошие времена. А мальчишек не хватает: всего-то Дэн и Питер на четырех девочек.

– *Четырех* девочек? Ах да, Сара Рэй. Фелисити упоминала ее. Какая она? И где живет?

– Внизу, под холмом. Ее дом не видно из-за деревьев. Сара – славная девочка. Ей всего одиннадцать, и у нее жутко строгая мать. Она ни разу не позволила Саре прочесть хотя бы одну книжку. Только представьте! Сару всегда мучает совесть за то, что она делает вещи, которые ее мать, вероятно, не одобрит, но она их все равно делает. Просто это портит ей все веселье. Дядя Роджер говорит, что мать, которая ничего не разрешает, и совесть, которая все отравляет, – ужасное сочетание, и неудивительно, что Сара такая бледная и нервная. Но, между нами, я считаю, истинная причина в том, что мать плохо ее кормит. Понимаете, не то чтобы она была злая, нет, она просто убеждена, что детям вредно есть много и надо питаться только определенной едой. Разве это не везение, что мы родились не в такой семье?

– Я считаю, большое везение, что мы все родились в одной семье, – заметил Феликс.

– Так и есть! Я тоже часто думала об этом. А еще я часто думала, как было бы ужасно, если бы дедушка Кинг с бабушкой Кинг не поженились. Полагаю, тут ни одного из нас сейчас не было бы, а если бы мы и были, то частично – кем-то другим, а это почти так же плохо. Когда я думаю об этом, меня переполняет благодарность за то, что поженились именно дедушка Кинг и бабушка Кинг, хотя пережениться могло множество других людей.

Дрожь прошла по спинам у нас с Феликсом. Мы почували, что избежали чудовищной опасности – родиться кем-то другим. И ведь только Рассказчица смогла донести до нас мысль о чудовищности этой опасности и о том, как ужасно мы рисковали все те годы, пока ни нас, ни наших родителей не существовало на этом свете.

– А кто живет вон там? – спросил я, показывая на домик за полями.

– О, это усадьба Несуразного Человека. Его имя Джаспер Дейл, но все зовут его Несуразным Человеком. Ходят упорные слухи, что он пишет стихи. Он называет свой дом Золотой Вехой¹, и я знаю почему, ведь я читала стихи Лонгфелло. Он никогда не появляется в обществе из-за своей несуразности. Девушки смеются над ним, и ему это неприятно. Я знаю одну историю про него, расскажу вам как-нибудь.

– А чей тот, другой дом? – спросил Феликс, глядя на обращенную к западу долину, где среди деревьев виднелась серая крыша.

– Старой Пег Боуэн. Она очень странная. Зимой живет с кучей домашних зверей, а летом бродит по окрестностям и выпрашивает еду. Говорят, она сумасшедшая. Нас, детей, всегда пугали: мол, будете себя плохо вести, попадетесь в лапы Пег Боуэн. Теперь я не так боюсь ее, как раньше, но мне

¹ Имеется в виду стихотворение Генри Лонгфелло «Золотая Веха»: Их очаг – как Веха Золотая, От которой каждый измеряет Расстоянья До любого места в этом мире. (Перевод К. Чемена.) Здесь и далее примеч. перев.

бы все равно не хотелось угодить ей в лапы. Сара Рэй жутко ее страшится, а Питер Крейг утверждает, будто она ведьма и из-за этого плохо сбивается масло. Но в *такое* я не верю. Ведьмы нынче большая редкость. Может, где-то в мире они и остались, но вряд ли хоть одна есть здесь, на острове Принца Эдуарда. Вот в давние времена их было пруд пруди. Я знаю несколько отличных историй про ведьм, расскажу вам как-нибудь. У вас кровь в жилах застынет.

Мы не сомневались. Если кто-то и мог заставить нашу кровь застыть в жилах, так только эта девочка с невероятным голосом. Но сейчас стояло майское утро, и наша кровь как ни в чем не бывало текла себе по жилам. Мы предложили заняться кое-чем более приятным – все-таки зайти в сад.

– Хорошо. Про него у меня тоже есть истории, – согласилась Рассказчица. Мы пересекли двор в сопровождении Падди, помахивающего хвостом. – Как же здорово, что наступила весна. Зимняя красота заставляет особенно ценить весну.

Засов щелкнул под рукой Рассказчицы, и через мгновение мы оказались в саду Кингов.

Глава 3. Легенды старого сада

За пределами сада трава едва начинала пробиваться, но здесь, на солнечном южном склоне, под защитой елей, со всех сторон укрывающих ее от ветров, она уже улеглась чудесным бархатистым ковром. Пушистыми серыми комочками пробивалась яблонева листва, а у подножия Кафедрального валуна даже виднелись белые с фиолетовыми прожилками фиалки.

– Все как описывал отец, – блаженно выдохнул Феликс, – а вон там колодец с китайской крышей.

Приминая первые побеги мяты, мы поспешили туда. Колодец был очень глубокий, а надземную его часть сложили когда-то из грубого, неотесанного камня. Диковинный, похожий на пагоду навес, сработанный дядей Стивенном после возвращения из поездки в Китай, укрывали пока еще безлистые лианы.

– Тут очень красиво, когда появляются листья: лианы висят, как длинные гирлянды, – сказала Рассказчица. – Птицы строят в них гнезда. Пара диких канареек прилетает сюда каждое лето. А между камнями растут папоротники – сколько хватает глаз. Вода вкусная. Дядя Эдвард в своей лучшей проповеди – о Вифлеемском колодце, откуда солдаты Давида брали для царя воду, – описал старый колодец своего родного дома, вот этот самый, и рассказал, как жаждал этой свер-

кающей воды, странствуя в далеких землях. Так что колодец довольно знаменит.

– Ой, тут чашка совсем как во времена отца, – воскликнул Феликс, показывая рукой на старомодную неглубокую чашу дымчато-голубого цвета, стоящую на полке внутри.

– Это именно та чашка, – многозначительно произнесла Рассказчица. – Удивительно, правда? Она здесь уже сорок лет, сотни людей пили из нее, и чашка не разбилась. Тетя Джулия однажды уронила ее в колодец, но ее смогли выудить, совершенно целую, только маленький кусочек на ободке откололся. Думаю, она связана с благополучием семейства Кинг, – что-то вроде «Удачи Иденхолла»² из стихов Лонгфелло. Это последняя чашка второго из лучших сервизов бабушки Кинг. А первый до сих пор в полной сохранности. Он у тети Оливии. Уговорите ее как-нибудь показать. Сервиз очень красивый, с красными ягодками, и там смешной пузатый маленький сливочник. Тетя Оливия достает сервиз только на семейные торжества.

Мы напились воды из синей чашки и отправились искать свои личные деревья. Нас ждало разочарование: они оказа-

² Генри Лонгфелло переложил на английский балладу немецкого поэта Людвиг Уланда, где повествуется о судьбе богато украшенного стеклянного кубка, сделанного в XIV веке на арабском Востоке и привезенного вскоре в Европу. Удивительным образом кубок вплоть до XX века хранился в одном североанглийском семействе и передавался из поколения в поколение, а посему считался тем самым талисманом, который обеспечивает благополучие семьи. Поместья Иденхолл больше не существует, а кубок хранится в музее Виктории и Альберта в Лондоне, хотя в балладе Лонгфелло он разбивается.

лись довольно большими и крепкими. Нам-то казалось, что им по-прежнему следовало пребывать в стадии саженцев, ведь мы все еще дети.

– Твои яблоки довольно вкусные, – сообщила мне Рассказчица, – а Феликсовы годятся только на пироги. Те два больших дерева позади – в честь двойняшек, ну, знаете, моей мамы и дяди Феликса. На них такие приторно-сладкие яблоки, что есть их можем только мы, дети, да еще мальчишки-французы. А вон та высокая стройная яблоня, у которой все ветки вытянуты вверх, выросла сама по себе, и никто не ест яблок с нее, такие они кислые и горькие. Даже свиньи их не хотят. Тетя Джанет как-то попыталась сделать с ними пирог, сказала, дескать, не в силах видеть, как добро пропадает. Но после той попытки все и закончилось: она решила, что лучше пусть пропадают одни яблоки, чем яблоки и сахар. Потом она попробовала отдать их поденщикам-французам, но те даже домой не соизволили их взять.

Слова Рассказчицы падали в утренний воздух точно россыпь жемчуга и алмазов. Даже предлоги и союзы в ее речи обладали невыразимым очарованием, намекая на тайны, смех и волшебство, вплетенные во все, что она упоминала. Яблочные пироги, дички с кислыми плодами и свиньи – все немедленно приобретало романтический флер.

– Мне нравится, когда ты говоришь, – торжественным, чопорным тоном заявил Феликс.

– Всем нравится, – невозмутимо ответствовала Рассказ-

чица. – И я рада, что тебе нравится моя речь. Но я хочу, чтобы *я сама* тебе нравилась тоже – так же, как Фелисити и Сесили. Не больше. Раньше мне хотелось, чтобы больше, но это позади. В тот день, когда пастор вел занятия у нашего класса в воскресной школе, я узнала, что это эгоистично. Но я бы хотела, чтобы я нравилась вам *так же*.

– Ну, мне-то ты точно будешь нравиться, – решительно пообещал Феликс. Полагаю, он припомнил, как Фелисити назвала его толстяком.

Тут к нам присоединилась Сесили. Оказалось, что сегодня черед Фелисити помогать на кухне с завтраком, поэтому она прийти не смогла. Мы все отправились на Тропу дяди Стивена.

Тропа представляла собой двойной ряд яблонь в западной части сада. Дядя Стивен был первенцем Абрахама и Элизабет Кинг, но не унаследовал от отца его непреходящей любви к лесам, лугам и великодушию теплой красноватой земли. Бабушка Кинг была урожденная Уард, и моряцкая кровь взяла в дяде Стивене свое. Ему приспичило отправиться в море, несмотря на уговоры и слезы безутешной матери. Он вернулся домой из морских странствий только для того, чтобы высадить в саду свою аллею привезенных из дальних стран саженцев, а затем снова ушел в море, и больше про его корабль никто ничего не слышал. Первая седина появилась в темных бабушкиных волосах именно в те месяцы ожидания. Впервые тогда сад услышал звуки плача и был осенен скор-

бью.

– Здесь просто чудесно гулять, когда все цветет, – сказала Рассказчица. – Как будто ты внутри сна о волшебной стране и идешь по королевскому дворцу. И яблоки очень вкусные, а зимой тут отлично кататься с горки.

С Тропы мы направились в юго-западный угол, к Кафедральному валуну – огромному серому камню высотой с человека. Спереди он был гладкий и прямой, зато на задней его части располагались сработанные природой «ступеньки», и в середине этой «лестницы» был небольшой уступчик, на котором удобно стоять. Валун играл важную роль в забавах наших дядей и тетей, по необходимости служа укрепленным замком, индейским укрытием, тронem, церковной кафедрой или концертной площадкой. Свою первую проповедь дядя Эдвард прочел именно на этом сером камне в возрасте восьми лет. Тетя Джулия, чей голос будет потом улаживать тысячи слушателей, пропела свои первые мадригалы тоже здесь.

Рассказчица взобралась на уступчик, уселась на край валуна и посмотрела на нас. Пат, то есть Падди, важно устроился у подножия и принялся элегантно умывать мордочку лапой.

– Так что там насчет историй про сад, – напомнил я.

– Есть две самые главные, – откликнулась Рассказчица. – История о поцелованном поэте и сказание о семейном привидении. Какую из них хотите послушать?

– Расскажи обе, – алчно попросил Феликс, – но давай сна-

чала про призрака.

– Ну не знаю. – На лице Рассказчицы были сомнения. – Такого рода истории лучше рассказывать в сумерках в каком-нибудь темном месте. Тогда у вас дух от страха вышибет.

Мы рассудили, что предпочтительнее, если наш дух не вышибет от страха, и потому проголосовали за семейное привидение.

– Истории о привидениях утром как-то спокойнее слушать, – сказал Феликс.

Рассказчица начала, а мы жадно внимали. Сесили, знающая эту легенду наизусть, слушала с таким же вниманием, как и мы. Потом она объяснила мне, что, как бы часто Рассказчица ни повторяла историю, та всегда казалась такой же свежей и новой, как в первый раз.

– Давным-давно, – начала Рассказчица, и ее голос сразу погрузил нас в недостижимую древность, – когда дедушка Кинг еще не родился на свет, здесь с его родителями жила одна его кузина-сирота. Звали ее Эмили Кинг. Она была совсем маленькая и очень милая. У нее были ласковые карие глаза, которые от скромности никогда ни на кого не смотрели прямо – совсем как у Сесили, – и длинные темные кудри, как у меня. А на одной щеке у нее была крошечная родинка в виде розовой бабочки – вот здесь.

Разумеется, никакого сада тогда еще не существовало. Здесь было просто поле, но в поле росло несколько белых

берез – прямо там, где сейчас раскидистое дерево дяди Алека, и Эмили любила сидеть в этой березовой рощице среди папоротников и читать или шить. Был у нее возлюбленный. Звали его Малкольм Уард, и он был красив, словно принц. Она любила его всем сердцем, и он любил ее так же, но они никогда не заговаривали об этом. Они встречались под березами и беседовали о чем угодно, кроме любви. Однажды он сказал ей, что назавтра собирается прийти сюда и задать *очень важный вопрос*, и ему хотелось бы, чтобы она ждала его в их березняке. Эмили обещала встретиться с ним. Я уверена, что она всю ночь не сомкнула глаз, думая и гадая, что это за важный вопрос, хотя, вообще-то, прекрасно все понимала. Со мной, во всяком случае, было бы именно так. На следующий день она оделась в свое лучшее голубое муслиновое платье, расчесала локоны и с улыбкой отправилась к березам. Она сидела там в ожидании и предавалась приятным мыслям, когда прибежал соседский мальчишка, ничего не знавший о ее любви, и закричал, что Малкольм Уард случайно застрелил себя из ружья. Эмили только возложила руки себе на сердце – вот так – и упала в папоротники, побелевшая и сломленная. Потом она пришла в себя, но никогда с тех пор не плакала и не скорбела открыто. Она *переменилась*. Совершенно не походила на прошлую себя и была счастлива только тогда, когда, одетая в голубое муслиновое платье, ждала под березами. С каждым днем она становилась бледнее и бледнее, а ее розовая родинка все больше красне-

ла, пока не стала походить на пятно крови на белой щеке. С наступлением зимы Эмили умерла. Но следующей весной, – тут Рассказчица заговорила шепотом, но ее шепот был такой же внятный, как и громкий голос, – пошли слухи, что ее по-прежнему можно встретить под березами. Неизвестно, кто рассказал это первым, но видели ее многие. Дедушка видел ее, когда был маленьким мальчиком. И моя матушка однажды тоже видела ее.

– А ты ее видела? – скептически спросил Феликс.

– Нет, но однажды увижу, если только не перестану верить в нее, – с уверенностью ответила Рассказчица.

– Я бы не хотела ее увидеть. Я бы испугалась, – сказала Сесили, вздрогнув.

– Тут нечего бояться, – утешительно произнесла Рассказчица. – Это же не какое-то чужое привидение. Это наше семейное привидение, так что оно не причинит нам вреда.

Мы не были так уж в этом уверены. Кто их знает, этих привидений, даже если они семейные. Благодаря Рассказчице эта история стала для нас совершенно реальной, и мы радовались, что слышали ее не вечером. Как после такого возвращаться в дом среди теней и колеблющихся веток сада? Нам и так-то было страшно поднять глаза – вдруг увидим эту одетую в голубое платье Эмили под деревом дяди Алека. Однако увидели мы только быстро шагающую по зеленой лужайке Фелисити с развевающимися золотым облачком волосами.

– Фелисити боится, что пропустила что-нибудь, – заметила Рассказчица. – Ну что, Фелисити, готов у вас завтрак или я успею рассказать мальчикам историю о поцелованном поэте?

– Завтрак готов, но мы не можем сесть за стол, пока папа не разобрался с заболевшей коровой, так что, скорее всего, времени у тебя хватит, – ответила Фелисити.

Мы с Феликсом не могли оторвать от нее глаз. Румяные щечки, блестящие от спешки глаза, ее лицо – будто роза... истинное воплощение юности. Но стоило заговорить Рассказчице – и мы забыли о Фелисити.

– Примерно через десять лет после женитьбы дедушки и бабушки Кинг их навестил один молодой человек – дальний родственник бабушки и Поэт. В то время он стоял на пороге своей славы, а потом сделался *очень* известным. Как-то он отправился в сад писать стихотворение и задремал, положив голову на скамейку, стоявшую раньше под дедушкиным деревом. В этот момент туда пришла наша двоюродная бабушка Эдит. Конечно, тогда она не была бабушкой, ей было всего восемнадцать лет, и у нее были алые губы, черные-черные волосы и глаза. Говорили, что она та еще проказница. Ее какое-то время не было дома, и, вернувшись, она не сразу узнала о госте. Увидев спящего Поэта, она решила, что это кузен из Шотландии, которого как раз поджидали. Тут она на цыпочках подкралась к нему – вот так, наклонилась – и поцеловала в щеку. Он открыл свои большие голубые глаза

и посмотрел прямо в лицо Эдит. Она стала пунцовой, будто роза, поскольку поняла, что совершила ужасную ошибку: это точно *не был* ее шотландский кузен, ибо она знала из его писем, что глаза у того темные, как у нее самой. Эдит бросилась бежать и спряталась, а потом, когда узнала, что юноша – известный поэт, ей стало еще хуже. Но вскоре он написал одно из самых прекрасных своих стихотворений и отправил его Эдит, и затем его напечатали в одной из книг.

Мы все это *видели* своими глазами: задремавший гений, озорная девушка, чьи алые губы касаются загорелой щеки легко, словно цветочный лепесток.

– Надо было им пожениться, – сказал Феликс.

– Ну, в книжке тем бы и кончилось, но ведь речь о реальной жизни, – ответила Рассказчица. – Иногда мы разыгрываем эту историю. Мне нравится, когда Поэта играет Питер. А когда Дэн – не нравится, потому что он весь в веснушках и слишком крепко сжимает веки. Но Питера почти невозможно уговорить быть Поэтом, разве что Фелисити выступает в роли Эдит, а вот Дэн легко соглашается.

– Какой он, этот Питер? – спросил я.

– Питер просто замечательный. Его мать живет на Маркдейл-роуд и зарабатывает стиркой. Отец Питера сбежал и бросил их, когда Питеру было всего три года. Он так и не вернулся, и неизвестно, жив он вообще или нет. Ну разве это не милые семейные отношения? Питер работает ради пропитания с шести лет. Дядя Роджер устроил его в школу, а

летом платит жалованье. Питер нравится нам всем, кроме Фелисити.

– Я неплохо отношусь к Питеру, когда он помнит свое место, – чинно изрекла Фелисити, – но мама говорит, вы все преувеличиваете его важность. Он всего лишь мальчишка-батрак, у него плохое воспитание и почти никакого образования. Не думаю, что мы с ним ровня, что бы ты ни говорила.

Смешинка пробежала по лицу Рассказчицы – будто игривый ветерок прогнал волны по полю спелой пшеницы.

– Питер настоящий джентльмен и намного интереснее, чем *ты* когда-нибудь будешь, воспитывай и образовывай тебя хоть сто лет, – сказала она.

– Он едва умеет писать, – спорила Фелисити.

– Вильгельм Завоеватель вообще не умел писать, – возразила Рассказчица.

– Он никогда не ходит в церковь и никогда не молится, – парировала Фелисити.

– А вот и неправда, – запротестовал сам Питер, внезапно появившись в прорехе живой изгороди. – Иногда я молюсь.

Этот Питер оказался сухопарым складным парнем с веселыми черными глазами и густыми черными кудрями. Несмотря на весеннюю прохладу, он был босой. Костюм его состоял из линялой клетчатой рубашки и потрепанных вельветовых бриджей, но он носил свои лохмотья с неосознаваемым им самим ощущением, будто это изящное пурпурное

одеяние, и от того казалось, что одет он куда лучше, чем на самом деле.

– Ты молишься очень редко, – настаивала Фелисити.

– Бог скорее захочет выслушать меня, ежели я не стану надоедать ему постоянно, – ответил Питер.

Для Фелисити это явно приравнялось к ереси, а вот Расказчица, судя по ее виду, считала, что тут имеется здоровое зерно.

– В любом случае ты *никогда* не ходишь в церковь, – продолжала Фелисити, твердо намеренная не проиграть этот спор.

– Я не хожу в церковь, потому как не решил, кем заделаться – методистом или пресвитерианином³. Тетя Джейн была методистка. Моя мать, по совести говоря, ни то ни се, а я намерен быть хоть кем-то. Это вроде как более прилично, ежели ты методист, пресвитерианин или еще кто-нибудь, лишь бы не никто. Как определяюсь, куда податься, так и буду ходить в церковь не хуже вас.

– Это не то же самое, как уже *родиться* кем-то, – заносчиво заявила Фелисити.

– А я думаю, что куда как лучше выбрать свою веру, чем

³ *Методисты и пресвитериане* – две протестантские конфессии. Пресвитерианство – это возникшая в XVI веке британско-шотландская адаптация учения Жана Кальвина. Методистское движение выделилось в XVIII веке из Англиканской церкви и благодаря миссионерской деятельности широко распространилось по всем колониям и доминионам Великобритании. Несмотря на тонкие отличия в теологии и богослужбной традиции, суть обеих церквей очень схожа.

просто принять ту, что уже есть у твоей родни, – не сдавался Питер.

– Ну ладно, не ссорьтесь, – вмешалась Сесили. – Фелисити, оставь Питера в покое. Питер, это Беверли Кинг, а это Феликс Кинг. Мы все подружимся, и у нас будет чудесное лето. Только подумайте, как теперь можно играть! Но если начнутся дразги, все будет испорчено. Питер, ты чем сегодня занят?

– Бороню лесное поле и перекапываю грядки вашей тете Оливии.

– Мы с тетей Оливией посадили вчера душистый горошек, – вставила Рассказчица, – и у меня теперь есть своя маленькая грядка. В этом году я не стану выкапывать семена, чтобы посмотреть, пустили ли они ростки. Это вредно. Попробую развивать терпение, и не важно, сколько времени потребуется, чтобы им прорасти.

– Я сегодня помогаю маме с посадками в огороде, – сказала Фелисити.

– А мне никогда не нравился огород, – отозвалась Рассказчица. – Разве что если я голодная. Вот тогда я не прочь пойти посмотреть на симпатичные ровные ряды лука и свеклы. Зато я люблю цветники. Если бы я могла жить в саду, то всегда была бы хорошей.

– Адам и Ева все время жили в саду, – заметила Фелисити, – и у них совершенно не получилось быть всегда хорошими.

– Возможно, если бы они жили не в саду, то не смогли бы оставаться хорошими так же долго, – предположила Рассказчица.

Тут нас позвали завтракать. Питер и Рассказчица выскользнули через дыру в живой изгороди, за ними последовал Падди, а мы все отправились через сад к дому.

– Ну, что вы думаете о Рассказчице? – спросила Фелисити.

– Она просто замечательная, – с воодушевлением ответил Феликс. – Никогда не слышал, чтобы так рассказывали истории.

– Но готовить она не умеет, – заявила Фелисити, – и цвет лица у нее не очень. К тому же она говорит, что хочет стать актрисой, когда вырастет. Ужас, правда?

Мы не поняли почему.

– Да потому, что актрисы всегда плохие люди, – объяснила шокированная Фелисити. – Но смею предположить, Рассказчица все-таки пойдет в актрисы, как только сможет. Ее отец будет стоять за нее. Он, знаете ли, художник.

Фелисити явно полагала, что всякие там художники, актрисы и прочие отщепенцы – одного поля ягоды.

– Тетя Оливия говорит, что Рассказчица оборожительная девочка, – сказала Сесили.

Вот он, тот самый эпитет! Мы с Феликсом сразу поняли, что это идеальное попадание в яблочко. Да, Рассказчица оборожительна, тут и обсуждать нечего.

Дэн спустился только к середине завтрака, и тетя Джанет так отчитала его, что мы быстро намотали на ус: лучше нам, по едкому местному выражению, «не попадаться на ее острый язык». Так или иначе, нас очень радовала перспектива провести здесь лето: смотреть на Фелисити, слушать дивные истории Рассказчицы, служить предметом восхищения Сесили, играть с Дэном и Питером. Чего еще желать здравомыслящим людям?

Глава 4. Свадебная фата гордой принцессы

Прожив две недели в Карлайле, мы совершенно освоились, и нам была предоставлена свобода, как и всей здешней *мелюзге*. Мы крепко сдружились с Питером и Дэном, Фелисити и Сесили, Рассказчицей и бледной сероглазой Сарой Рэй. Разумеется, оставалась учеба в школе, и помимо нее у каждого из нас были свои домашние обязанности, за добросовестное исполнение которых мы несли полную ответственность. Тем не менее на игры оставалась куча времени. Даже у Питера высвободилось много часов, когда закончилась полевая.

В целом мы прекрасно ладили друг с другом, несмотря на мелкие различия во мнениях. А что до взрослых обитателей нашего маленького мира, то и они вполне нас устраивали.

Тетю Оливию мы обожали за красоту, веселость и добродушие, а кроме того, она довела до совершенства редкое искусство предоставлять детей самим себе. Если мы оставались приемлемо чистыми, не ссорились и не употребляли бранных слов, тетя Оливия нас не трогала. Тетя Джанет, напротив, давала нам столько добрых советов и так часто говорила нам делать то и не делать се, что мы не запоминали и половины ее наставлений и даже не пытались им следовать.

Дядя Роджер оказался, как нас и предупреждали, довольно благодушным человеком и любителем поддразнить. Он нам нравился, хоть порой и накатывало неприятное чувство, что смысл его замечаний не ограничивается банальным значением сказанных слов. Иногда нам чудилось, будто дядя Роджер попросту насмехается над нами, и суровая серьезность юности протестовала против подобного обращения.

Самые теплые чувства испытывали мы к дяде Алеку. Нас не покидало ощущение, что в нем мы всегда найдем друга и защитника, – не важно, что мы натворили и чего не выполнили. Его слова никогда не приходилось выворачивать наизнанку, чтобы понять их смысл.

Социальная жизнь молодежи Карлайла крутилась вокруг обычной и воскресной школ. Мы особенно прикипели к воскресной школе, ибо нам здорово повезло с учительницей: уроки у нее получались настолько интересными, что мы больше не рассматривали походы туда как докучливую еженедельную повинность, а наоборот – ждали занятий с нетерпением, предвкушая удовольствие, и старались придерживаться благих советов нашей наставницы (по крайней мере, по понедельникам и вторникам – боюсь, что с течением недели воспоминания о заповедях как-то тускнели).

К тому же учительница глубоко увлекалась миссионерством, и однажды разговор на эту тему вдохновил Рассказчицу самостоятельно проделать домашнюю миссионерскую работу. Ей пришла в голову единственная возможная в на-

ших условиях миссия – убедить Питера ходить в церковь.

Фелисити не одобрила ее затею и прямо заявила об этом.

– Он понятия не имеет, как вести себя в церкви, поскольку ни разу в жизни не ступал за церковный порог, – предостерегла она Рассказчицу. – Он наверняка сделает что-нибудь ужасное, и тебе будет стыдно, и ты пожалеешь, что вообще позвала его, и мы все осраимся. Вносить свою маленькую лепту на благо язычников, чтобы к ним поехали миссионеры, – это правильно. Язычники далеко, и нам лично не надо иметь с ними дело. Но сидеть на церковной скамье рядом с батраком я не желаю.

Однако Рассказчица продолжала бесстрашно уговаривать неподатливого Питера. Задача была не из простых. Питер не принадлежал к числу тех, для кого ходить в церковь – самое естественное дело; к тому же, утверждал он, ему все еще не удалось решить, куда податься – в пресвитериане или в методисты.

– Между ними нет ни малейшей разницы, – убеждала его Рассказчица. – И те и другие окажутся в раю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.